

В прошлый раз, когда я останавливалась во Дворце Шанъян, он был только что отстроен. Теперь же, поселившись здесь вновь, я заметила, что повсюду добавились мелкие домашние вещицы. Хотя и оставалось всё тем же царственным великолепием, по сравнению с прошлым он стал больше походить на место, где живут семьёй, на дом. В этом и есть преимущество, когда хозяйничают женщины. Хотя мужчины в наше время и любят сами порассуждать о текущих делах, посостязаться в выяснении правды и кривды, и среди них немало мелочных и болтливых, но всё же качества обстоятельности, внимания к мелочам и заботливости неизменно приписывают женщинам, а всеми внутренними, домашними делами они и вовсе не желают утруждать свой ум. Места, обустроенные ими, как ни посмотри, отдают некой пустотой и показушностью. А те мягкие, тщательные свойства, что возвращают в женщинах, как раз в таких делах и проявляют свой блеск — даже моя матушка не исключение.

Я по-прежнему поселилась там, где жила раньше, в одиночестве занимая целый большой двор. А-Хуань жила рядом, в чуть меньшем дворике, но его убранство было изысканнее, чем в моём.

Дворцы Шанъяна располагались сложным лабиринтом, а я не была знакома с расстановкой караулов, так что пробраться тайком было не так-то просто, как в других местах. При заселении я уже слегка забеспокоилась, а когда увидела, что из своих при мне лишь несколько приближённых служанок, остальные же — местные дворцовые служители, и вовсе заволновалась. В расстроенных чувствах пообедав, я как раз ломала голову, как же повидаться с А-Хуань, как вдруг увидела Шоули: тот, агукая, размахивал ручонками на руках у служанки, подошёл ко мне, и его пухлое личико расплылось в улыбке, глазки совсем исчезли, а во рту невнятно прозвучало: «Гу, гу».

Хотя оба были младенцами, при виде Ли Даня я чувствовала лишь отчуждение, а увидев Шоули, невольно улыбнулась, протянула руки, взяла его и, щекоча ему щёчки, принялась дразнить. Этот малыш был со мной знаком, и, сколько я его ни тискала, он не плакал, а лишь безудержно улыбался. Я подумала: раз он здесь, значит, и А-Хуань, наверное, пришла. Сдерживая радость в сердце, медленно подняла голову и точно увидела: А-Хуань в ярко-красной накидке неспешно шла со двора, у порога сняла деревянные сандалии, поднялась на ступеньки — на ногах у неё были шёлковые туфли с вышитыми пионами. Сняв и туфли, она обнажила белоснежные шёлковые носки, приглядевшись, я заметила на них серебряной нитью вышитые водяные лилии. Чередование серебра и белого выглядело богато, но не кричаще.

Я держала Шоули на руках, склонилась влево и, повернув к ней голову, сказала: «У невестки эти носочки весьма необычны».

Она улыбнулась, глядя на меня: «Сделала Цици. Если нравятся, велю ей сшить тебе ещё несколько пар».

Шоули, увидев её, тут же променял меня, раскрыв ручонки, чтобы она взяла его, но та не согласилась: «Только что звал тётю, тётю, непременно сюда, а теперь уже и не хочешь?»

Шоули ничего не понимал, всё тянулся к ней. Я поспешно подняла его повыше, несколько раз подбросила вверх-вниз и сказала: «Разве ты не скучал по тёте за это долгое время? Пойдём, тётя покатает тебя на ручках».

Шоули я развеселила, и он с радостным смехом позволил унести себя в покои. На улице стоял холод, кормилицы закутали его, как цзунцзы, едва войдя в зал, он уже вспотел. А-Хуань и я, стоя слева и справа от малыша, сняли с него верхнюю одежду, и эта малявка, обретая свободу, принялась шлёпать по залу — каждый его шаг неизменно заканчивался падением, упав, он валялся на полу, передвигаясь на руках и ногах, и лишь после долгих уговоров А-Хуань нехотя,

под нашей страховкой, милостиво поднимал свою драгоценную ножку, делал шаг и тут же плюхался на зад, затем снова переворачивался и, глупо улыбаясь, продолжал ползать.

А-Хуань позволила мне поиграть с Шоули немного, затем сделала вид, что уговаривает его: «Тётенке нужно отдохнуть, пойдём домой».

Шоули лишь улыбался, не выражая никакого мнения, зато я в страшной спешке его перехватила, взглянув на А-Хуань: «Не спеши, не спеши, пусть ещё немного побудет».

А-Хуань, не имея искреннего намерения уходить, позволила Шоули продолжать карабкаться и шататься по залу. Я же велела вынести все свои запасы игрушек ему, отчего малыш развеселился ещё больше: то швырял, то бросал, то кидал, то грыз. Через полчаса после наступления ночи он не смог более противостоять усталости, повалился на циновку и заснул.

Кормилицы посмотрели на Шоули, затем на А-Хуань и осторожно спросили: «Госпожа?»

А-Хуань сказала: «Раз Далан уснул, заберите его назад». Затем пришла прощаться со мной, но я ухватила её за руку: «На улице такой холод, Далан к тому же спит, если сейчас его будить, неминуемо расплчется, вдруг выронит — а на улице так холодно, как бы не простудился? Лучше пусть поспит у меня, завтра вернётся».

А-Хуань притворно заколебалась: «Если Далан проснётся утром и не увидит меня, обязательно расплчется, оставлять его одного здесь нехорошо».

Я сказала: «Тогда и невестка останься здесь — ляжем на одну кровать». Побоявшись, что прозвучало слишком поспешно, поспешно добавила: «У меня просторно, вдвоём спать не помеха, не будем мучить Далана». Тут же распорядилась принести ещё постельные принадлежности, помочь А-Хуань умыться, а также уложить Шоули. Хлопотала круг за кругом, а когда легла, всё ещё не могла поверить, украдкой взглянула на А-Хуань. Та как раз повернулась на бок, высунула руку из-под одеяла и, лучезарно улыбаясь, смотрела на меня: «Что?»

Я сказала: «Не виделись несколько дней, и кажется, невестка стала ещё красивее».

Она бросила на меня взгляд, положила руку мне на тело, закрыла глаза и сказала: «Спи».

Я мотнула головой и тоже закрыла глаза. Ночные дежурные, видя, что мы уснули, задули свет, задернули полог и отступили во внешнее помещение. Едва они ушли, я поспешно открыла глаза, чтобы посмотреть на А-Хуань, а та уже давно раскрыла глаза, полные улыбки глядя на меня. Увидев, что я собираюсь заговорить, протянула палец и прижала его к моим губам, а когда убирала руку, распахнула её, приподняв своё одеяло. Я юркнула к ней под одеяло, разом обхватив её в объятия.

На ней было лёгкое благовоние, не слишком густое, отдалённо напоминавшее её обычный аромат, но, пропитанное цветочными нотами, оно приобрело оттенок весеннего цветника.

Обняв её, я глубоко вдохнула. Её тонкая фигура полностью уместилась в моих объятиях, но её руки ещё имели свободу, чтобы ткнуть меня в грудь: «Переехав в новые покои, ты поправилась. Жизнь за пределами дворца и впрямь так приятна?»

Я усмехнулась: «Я поправилась — тебе это нравится или нет?»

Она бросила на меня взгляд, вдруг уткнулась головой в мою грудь, слегка приоткрыла рот и

прикусила мою правую грудь. Не сильно, но и не отпуская, лишь едва касаясь кончиками зубов того маленького зёрнышка, дразня до нестерпимого зуда в сердце. Я тут же перевернула её, прижалась к ней, от груди и вниз, всё кусая, до самого пупка, затем прижалась лицом к её животу, левой рукой накрыла правую маленькую выпуклость на её груди, потёрлась лицом, поднялась выше, вновь прижалась к левой, подняла голову и взглянула на неё: «А-Хуань, я по тебе соскучилась».

Она одной рукой ухватила меня за подбородок, другой нежно погладила по спине, улыбаясь особенно сияюще: «Раз соскучилась, почему же тогда так медлишь и тянешь?»

Я сказала: «Хоть мне и хочется с тобой *этого*, но ещё больше хочется просто обнимать тебя, вот так прижавшись, ничего не делая». Одной рукой оперлась на кровать, приподнялась, чтобы лечь с ней на одном уровне: «С тех пор как я покинула дворец и до новой встречи с тобой, прошло сорок шесть часов».

Такие слова ей явно нравились. Лежавшая плашмя, она теперь тоже повернулась на бок, чтобы смотреть на меня лицом к лицу, уголки рта растянулись в огромной дуге, брови изогнулись, в глазах переливался свет, словно тая бесчисленные очарования, но слова, что изрекла, были совсем иного свойства: «Тем лучше, мне как раз есть дело до тебя — слышала, Чжэн Бо завёл на стороне женщину?»

Я приподняла бровь: «Хорошие вести не выходят за ворота, а эта новость распространилась быстро, всего за день даже ты уже знаешь».

Она скосила на меня взгляд: «Если такие дела не распространяются быстро, то какие же? Что ты намерена делать?»

Я усмехнулась: «А ты как думаешь?» Чем ближе была, тем сильнее ощущался чарующий аромат, невольно я придвинулась, чтобы вдохнуть его прямо перед ней, протянула руку, и она сама подняла голову, устроив её у меня на руке: «Раньше, что я ни говорила, ты не слушала, вот и получила сегодняшнее. А сегодня, что бы я ни сказала, ты, возможно, тоже не послушаешь, так что лучше я промолчу».

Не знаю почему, но тон её показался мне забавным, я протянула руку, ущипнула её за нос и тихо сказала: «Не скажешь — откуда же мне знать, послушаю я или нет?»

Она в ответ ущипнула меня за нос: «По-моему, тебе следовало бы подать на них жалобу в уезд Лоян и добиться ссылки всей семьи — согласна?»

Этот способ до чего же схож с предложением Лю Хоудэ, очень уж походил на прежнюю А-Хуань. Но А-Хуань ведь отлично знала, что я не люблю подобные дела, в последнее время редко упоминала при мне такие методы, и вот неожиданно выпалила эту фразу — не похоже, чтобы это было ненамеренно.